

УДК 811.511.132

Е. А. Цыпанов (*Сыктывкар*)

НЕЗАФИКСИРОВАННЫЕ ОТЭТНОНИМИЧЕСКИЕ СЛОВА-ПЕЙОРАТИВЫ В КОМИ ЯЗЫКЕ

В статье приведены 4 незафиксированных ранее в нормативных и диалектных словарях слов-пейоративов коми языка, объяснено их значение, употребление, указаны историко-этимологические источники их появления, а также выдвинуты гипотезы формирования у них отрицательнооценочной коннотативной семантики.

Ключевые слова: коми язык, пейоративная лексика, коннотативная семантика.

Язык как сложно организованная развивающаяся система в трудах по теории языка определяется, как правило, с двух основных точек зрения: во-первых, с точки зрения функций языка как некий инструмент, средство,

во-вторых, с точки зрения устройства языка как отражательный, мировоззренческий феномен, как отражение мышления человека (подробнее об этом см.: [Левицкий 2008: 9–11]). В любом языке отражается исторический опыт народа, его представление об окружающей действительности, но не только это. В языке отражается и внутренний мир человека, особенности мышления, его эмоциональная оценка, волевые начала. Не зря теоретик языка Р. Якобсон, исходя из своего представления структуры речевого акта, из выделенных им шести функций языка на первое место ставит эмотивную функцию выражения чувств и воли говорящего [Jacobson 2008: 353–357]. Иными словами, при использовании экспрессивных элементов структуры языка говорящий выражает свою субъективную информацию, прежде всего личную оценку предмета высказывания. «Именно человек, выбирая нужное ему слово, преследует цель не только сообщить о чем-либо, но и выразить свое отношение к высказываемому» [Левицкий 2008: 75]. В современном языкознании закономерно усилился интерес к изучению эмотивных/экспрессивных средств выражения, которые, выражая коннотативные значения, делают речь человеческой, т. е. живой, меняющейся, многоцветной, полной чувств.

Как правило, в число языковых средств выражения эмоций, воли, субъективной оценки включают междометия как одну из служебных частей речи, суффиксы субъективной оценки, средства глагольной модальности в широком смысле, интонацию и т. д. В лексической системе таковыми средствами являются прежде всего слова-пейоративы.

Самое общее определение термину *пейоративный* дает О. С. Ахманова: «Пейоративный (уничижительный, депрециативный, детериоративный, неодобрительный) *англ.* 1. Обладающий отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией. Пейоративное слово. Пейоративное значение. 2. Сообщающий (придающий) слову отрицательную коннотацию. Пейоративный суффикс» [Ахманова 1966: 315]. Необходимо отметить, что особые грамматические пейоративные суффиксы в коми языке есть: это коми-пермяцкий суффикс *-жуґ* с уничижительным значением, например, *иганжуґ* ‘плохой запор’, и коми-зырянский суффикс *-шой*, например, *пасьшой* ‘плохая, никуда не годная шуба’. Оба суффикса исторически возникли от знаменательных существительных *жуґ* ‘труха, отбросы’ и *шой* ‘труп’. Однако количественно пейоративная лексика в выражении отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной семантики занимает центральное место.

Собственно настоящий объект исследования – пейоративная лексика – сопровождает ругань как специфическую форму человеческого общения, которая (часто в критических ситуациях) служит в функции предохранительного клапана, выпускающего гнев, злость, недовольство субъекта речи. Наиболее частотными коми пейоративами являются *ббб*, *ййй*, *мёмёт*, *порсь*, *дшлӧпан*, *сӧтана пызь*, *шева*, *юр вундысь* и др.

Пейоративы (слова и словосочетания) противоположны мелиоративам, словам и словосочетаниям с положительно-оценочным значением типа *бобб*, *дона*, *дрбчка*, *зарни ти*, *муса* и т. д. Как правило, во всех языках мелиоративов гораздо меньше пейоративов, что обусловлено природой человеческой психики, тем, что положительные качества человек обычно воспринимает как само собой разумеющиеся, обычные и обязательные, а отрицательные черты оценивает как угрозу себе, семье, окружающим и всему обществу.

Тема пейоративной лексики в коми языкознании подробно не исследована, хотя сам материал неплохо зафиксирован в нормативных и диалектных словарях, сборниках фразеологизмов, фольклорных текстах и богатейшей художественной литературе. Известна лишь одна небольшая статья Л. Н. Шлоповой о бранных словах в удорском диалекте [Шлопова 2001: 289–292]. различный

Слова-пейоративы описывают на основе различных классификаций, созданных по разным критериям: по тематическим основаниям, по сферам употребительности, по ареальному принципу, по поло-возрастным характеристикам и т. д. В последнее время материал пейоративов активно изучается в рамках т. н. когнитивного направления в языкознании, на основе рассмотрения различных концептов, например, концепта *глупость* в работе Т. И. Полищук [2012: 6–15]. Интересно также проследить пейоративную лексику на историко-лингвистической основе или выявить, какие разряды лексики рекрутируются языком для выражения различных эмоциональных смыслов; это могут быть существительные, обозначающие животных, птиц, различные бытовые предметы, прилагательные, причастия, сложные слова и составные единицы и пр. В настоящей статье представлена пейоративная лексика коми языка, сформировавшаяся на основе названий народов, этнонимов. Однако до представления конкретного материала необходимо дать некоторые предварительные замечания о рассматриваемом предмете исследования.

Состав пейоративов в силу своей эмоционально-оценочной коннотации исторически довольно сильно изменчив, он постоянно пополняется за счет заимствований, одновременно теряет употребительность часть слов. По нашим наблюдениям, в речи современных коми-зырян уже не встречаются следующие слова-пейоративы: *антикрис(т)*, *антус* ‘черт’, *бусурман* ‘пришлый, чужак’, *калера* ‘холера’, *кулак* ‘жадюга’, *момо* ‘тупица’, *некрись* ‘поганный, некрещеный’, *роч шпана* ‘русская шпана’ и др. К числу относительно новых единиц можно отнести слова *алкаш*, *дебил*, *зык*, *идиот*, *пашис(т)*, *фуффо*, *чмо*, *эгоис* и т. д.

В исследовании пейоративной лексики есть и некоторые проблемы источниковедческого характера. Во-первых, грубые ругательства, пейоративные слова, обозначающие половые органы людей, органы выделения, в нормативных словарях, даже самых полных и новых, вообще не фиксируются. Этот недостаток исходит также из особенностей советского финно-угорского языкознания, отличавшегося своим излишним пуританством, где не было

места т. н. «некультурным» словам и выражениям, их не фиксировали словари, не изучали языковеды. За прошедшие десятилетия в этом отношении практически ничего не изменилось, о чем свидетельствует и отсутствие серьезных исследований пейоративной лексики, по крайней мере, в пермских языках. Во-вторых, опубликованные диалектные тексты, за редким исключением, не содержат характерных диалогов, где бы использовались слова-пейоративы, эти тексты преимущественно описательного характера, написаны со слов повествователей в спокойной, незэмоциональной обстановке.

В коми языке употребляется целый ряд этнонимических слов-пейоративов, в частности: *роч*, *чудь*, *жыд*, *чиган*, *лопар*, *вогыль*, *тунгус*, *яран*, *тотарин*, *чуваши*, *кыргыз*. Среди них есть зафиксированные в нормативных словарях коми литературных языков лексемы с первичными этническими значениями: *роч* 'русский', *чудь* 'чуд', *чиган* 'цыган', *тотарин* 'татарин', *яран* 'ненец'. Однако нормативные словари не представляют пейоративные значения. С другой стороны, в нормативном словаре коми-зырянского литературного языка два слова поданы лишь в пейоративных значениях: *вогыль*: *лэзь* ~ 'растрёпа', *тунгус* 'угрюмый' [КРК 103, 661]. Лучше пейоративные значения представлены в коми диалектных словарях. Однако есть и такие лексемы, которые вообще еще не были зафиксированы в научной литературе. Им посвящена настоящая статья.

Рассматриваемый материал необходимо отличать от этнофолизмов или таких этнонимов, которые изначально несут отрицательную оценку этноса, наряду с обычными этнонимами с нейтральным значением, например, для русских это *украинец* и *хохол*, для украинцев *москаль* и *кацап*. Такими этнофолизмами богаты т. н. большие языки, например, в русском языке это слова *жид* 'еврей', *чухонец*, *чухна* 'эстонец и финн', *комьяк* 'коми', *итальяшка* 'итальянец', *татарва* 'татарин'. В русском молодежном сленге в начале XXI в. появилось слово *тиндос* 'американец'. В коми языке этнофолизмов нет, однако этнонимические слова-пейоративы развили свои значения на известных этностереотипах или представлениях о качествах представителей народов. К примеру, традиционно ненцев коми представляли как людей, злоупотребляющих спиртным, что отражается в стихотворении И. А. Куратова:

*Нурьясь, ю, бур морт!
Яран моз ми огö юö:
Коми пыр нин юрсö нуö,
Тöдö удж и горт...*

(Куратов 1979: 54).

Ешь, пей, добрый человек!
Мы не пьем, как ненцы:
Коми на голову трезв,
Знает работу и дом...

И. Жыд 'скупердяй, жмот, скупой', *ик. жыдовка* 'жадная женщина'

По каким-то причинам это слово не попало в словари коми языка, хотя употребляется во многих диалектах, так же, как и образованные на основе слова глаголы *жыдитны*, *жыдитчыны* 'жадничать'. В устной речи

есть устойчивое выражение *Жыд да горш!* ‘Скупой и жадный!’, в говоре с. Шошка (присыктывкарский диалект) употребляется выражение *жыд чукор*, обозначающее семью, группу скупердяев (сообщение Н. К. Забоевой). Пейоратив *жыдовка* употребляется и в северных коми-пермяцких диалектах, обозначая скупую женщину (по сообщению уроженки с. Пуксии Е. Н. Федосеевой, косинско-камский диалект).

Удмуртско-русский нормативный словарь характеризует это слово как диалектное: **жыд** диал. ‘скупой, скряга’ [УРС: 212], однако лексема проникла в удмуртский и коми язык, вероятно, параллельно уже в самостоятельный период их развития. В русском языке слово *жид* в пейоративном значении ‘скупой’ не встречается, однако в говоре с. Акчим Пермского края отмечен глагол *жидиться*: несов. Скупиться. *Не дает никому ничего, жидится!; Жидятся! В картов истолкут эдакий кусочек!* [АКЧИМ 1: 260]. Очевидно, этот глагол является коми-пермяцким заимствованием, т. к. многие русскоязычные сёла края еще относительно недавно были комиязычными.

В коми языке у слова *жыд* нет этнической семантики, издавна в языке лишь слово *еврей* обозначает указанный народ, например, *Ерусалимын патриций, код Римын плебей! Мывкыдтӧм лоис и сертӧм еврей* (Куратов 1979: 155) ‘В Иерусалиме патриций тот, кто в Риме плебей! Безрассудным стал и незаметный еврей!’. В современном русском языке слово *жид* имеет следующие значения: «жид 1. Разг. устар. То же, что еврей. 2. Груб. прост. Презрительное, бранное название еврея» [СРЯ I: 483]. Последнее значение расширилось в русском языке лишь в последние десятилетия. Народный артист СССР, еврей по национальности, Владимир Этуш вспоминает: «И вообще, кстати сказать, слово «жид» у нас во дворе ругательством не считалось. Употребляли его все. Это было нормой» [Этуш 2012: 14]. Слово одинаково звучит в славянских языках (блг. *жыд*, укр. *жид*, чеш. *žid*, польск. *żyd*), по происхождению это итальянское заимствование через ретророманские языки, ср. ит. *giudeo* ‘еврей’ [Фасмер II: 53]. Само итальянское слово восходит к латинскому *judaeus*, исторически к названию одного из еврейских племен. Славяне с IX в. уже знали это слово, которое было заимствовано и древними венграми, ср. *еврей* *zsidó férfi*, *еврейка* *zsidó nő*, *еврейский* *zsidó-* [Szabó 1989: 123].

В пермских языках слово подверглось фонетической адаптации: гласный *и* перешел в *ы*, однако пейоративное значение развилось лишь в коми и удмуртском языках самостоятельно на основе известного этностереотипа относительно евреев как ростовщиков, перекупщиков и т. п. Если посмотреть на материал русских диалектов, то в говорах Пермского края у слова *жид* есть пейоративное значение лишь в составе одного образного выражения: **ЖИД**. = *Будь ты жид!* Экспр. Бранное. *Будь ты жид ты, по чё и ходила в чулан – забыла!* Карагай [СПГ 1: 261]. В других русских диалектах у слова *жид* развились предметные значения ‘воробей’ и ‘чернильная клякса’: *Жиды опять хлеб клюют* (Курск, Тамбов, Куйбышев), клякса

(Смоленск) [СРНГ 9: 168]. На основе этого можно заключить, что развитие пейоративного значения 'скупердяй' у слова *жыд* в пермских языках представляет собой совершенно оригинальное явление.

II. тотарин 'зк. пакостник, клянчащий, назойливый / нк. чужак, пришлый, бессердечный человек'

Слово *тотарин* из разряда почти забытых, такое ругательство помнят немногие: в присыктывкарском диалекте, часто при обращении к детям, оно обозначало пакостника, что-то вечно клянчащего, назойливого человека (сообщение Н. К. Забоевой, говор с. Шошка Сыктывдинского района РК). В нижнеиньвенском коми-пермячком диалекте этим словом называли чужака, пришлого человека (сообщение уроженки с. Крохалево О. П. Аксеновой). А в северном кочевском диалекте слово обозначает 'бессердечный человек' (сообщение носителя говора с. Кочево Н. А. Мальцевой). Нормативные словари коми языков указывают лишь этническое значение слова: *тотарин* 'татарин' [КРК: 649; КПРС: 481]. Коми никогда напрямую не контактировали с татарами, поэтому пейоративное значение возникло, вероятно, на основе этностереотипа, привнесенного русскими, или на основе контактов с русским населением. В удмуртском языке у соответствующего слова *бигер* 'татарин' пейоративного значения не отмечено, однако у словосочетания *бигер кышно* 'татарка, жена татарина' есть коннотативные значения как положительного, так и отрицательного плана: ~ **кышно перен.** смелая, проницательная женщина; обманщица, лгунья [УРС 69].

В русский и другие славянские языки этноним (укр. *татар*, *татарин*, др.-русс. *татары*, сербохорв. *татар*, *татарин*, чеш., польск. *tatar*) был заимствован из тюркских языков, ср. древнетюрк. *tatar* – название жителей страны на севере Китая [Фасмер IV: 27]. Есть и иные этимологии. В русских диалектах на основе этнонима развилось множество значений как пейоративных, так и предметных: **ТАТАРИН**. Неодобрительно о бесполом человеке. *Зачем собаку-то он бил? Вот татарин он де-ка.* Жуланова Сол. [СПГ 2: 434]; **ТАТАРИНЬ** и **татарник**, название разных колочих сорных трав [Даль IV: 392]. Всего в русских диалектах отмечено целых 12 дополнительных неэтнических значений слова: **Татарин**. 1. О хитром, лукавом человеке. 2. О скупом человеке. 3. Прозвище черноволосого человека. 4. О человеке, не соблюдающем постов. 5. Представитель различных национальностей, говорящих на тюркских языках. 6. Особо взимаемый сбор на общественные нужды. 7. Бранное слово. 8. Металлический сосуд округлой формы с ручками, котел. 9. Растение репейник. 10. Растение чертополох. 11. Растение бодяк. 12. Растение пикульник жабрей [СРНГ 43: 303]. Отметим попутно и то, что в русском языке также и слово *мордвинь* развил значение 'сорная трава' [Даль IV: 392].

III. чуваш 'трус, сторонящийся людей, недюдим'

Ранее не зафиксированное в словарях слово-пейоратив было выявлено методом опроса носителей ижемского и присыктывкарского диалектов, где

оно употребляется в значениях 'трус, сторонящийся людей, нелюдим'. Несомненно, этот этноним был заимствован из русского языка, где также, вероятно, имел этностереотип с отрицательной оценкой. В русский язык слово *чуваши* проникло в VI в., по мнению М. Фасмера, из тюркских языков, ср. тат. *džuvaš*, кирг. *jıvaš* 'мирный, радушный' [Фасмер IV 376]. Слово *чуваши* является самоназванием одноименного народа в формах *ч'ваши*, *ч'вашисем* (форма мн. числа), в русских источниках известно с XVI в. Слово заимствовано в марийский, удмуртский и другие финно-угорские языки. Отрицательнооценочная коннотация в коми диалекты, возможно, также проникла посредством влияния представителей северных русских диалектов, где на основе традиционного этностереотипа также возникли пейоративные значения этнонима. В. Даль в своем словаре отмечает: ЧУВАША твр. пск. чуварыка смл. об. неопрятный человек. Чуваш-чуваш, так скликают свиней; чух-чух, чуш-чуш [Даль IV: 611]. Однако, вероятно, значение 'трус, сторонящийся людей, нелюдим' в коми-зырянских диалектах возникло самостоятельно, т. к. подобных значений у слова в русских диалектах не зафиксировано.

IV. кыргыз 'зк. нечистая сила, черт, ик. тучный, неповоротливый человек'

Слово не зафиксировано в диалектных словарях, оно употребительно в нижневычегодском диалекте (по сообщению В. М. Лудыковой) в значении 'черт, злодей, уголовник'. Иван Куратов употребляет лексему в переводе стихотворения А. С. Пушкина «Утопленник»:

– *Коді сэнї? – «Лэдз тэ менё»,*
 – *Кутшійм войдур ветлөдлө?*
Кутшійм дявёл, кыргыз тэнё
Вой шёр войын новлөдлө?
 (Куратов 1979: 192).

Поэт словом *кыргыз* передает содержание лексемы Каин, в XIX в. совершенно непонятной для коми-зырян.

«*Кто там?*» – «*Эй,пусти, хозяин!*» –
 «*Ну,какая там беда?*
Что ты ночью бродишь, Каин?
Черт занес тебя сюда.
 (Пушкин 1957: 252).

Вероятно, в середине XIX в. слово *кыргыз* было более употребительным в коми диалектах, что демонстрирует перевод стихотворения А. С. Пушкина. Об этом же свидетельствует его функционирование в севернокоми-пермяцком кочевском диалекте в значении 'тучный, неповоротливый человек' (по сообщению Н. А. Мальцевой). Слово в русском языке изначально имело

значение 'казах', однако заимствованное в XIX в. уже на коми почве кардинально изменило значение. Само же слово в русский язык проникло из тюркских языков, ср. кирг. *Qyryuz*, алт., тел. *Кургуз* [Аникин 1997: 302].

Рассмотренный материал заметно расширяет список этнонимических слов-пейоративов в коми языке, что еще раз подтверждает тезис о большой изменчивости состава эмотивной лексики. Во многих языках на основе различных этнонимов возникли слова с отрицательнооценочной семантикой. В русских диалектах слова *чудь*, *лопарь* и *зыряна* также несут пейоративные значения. По свидетельству А. Е. Аникина, в сибирских и архангельских русских говорах у слов *зырян*, *зыря*, *зырь* есть значения 'лентяй, бездельник', 'некультурные, нечистоплотные люди (также шпана, хулиганы, негодяи)' [Аникин 1997: 223]. В коми им также есть параллель, широко употреблявшееся в XX в. словосочетание *роч шпана* (букв. 'русская шпана'). Иными словами, основой возникновения подобной лексики был также традиционный этноцентризм коми народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

АКЧИМ – Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области. – Пермь, 1984. – 2003. – Вып. 1–6.

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – Новосибирск: Наука, 1997. – 774 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 1966. – 575 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1978–1980. – Т. I–IV.

Левитский Ю. А. Общее языкознание. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 266 с.

КПРС – Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С. Коми-пермяцко-русский словарь: Ок. 27 000 слов. – М.: Рус. яз., 1985. – 624 с.

КРК – Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукор: 31 000 кымын кыв. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. – 816 с.

Куратов И. А. Менам муза. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. – 607 с.

Полищук Т. И. Концепт *глупость* в языковой картине мира (на материале русского и французского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Калуга, 2012. – 17 с.

Пушкин А. С. Сочинения в трех томах. – М., 1957. – Т. 1.

СПГ – Словарь пермских говоров. – Пермь, 2000, 2002. – Т. 1, 2.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Л.–СПб, 1965–2011. – Т. 1–44.

СРЯ – Словарь русского языка в четырех томах / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985. – Т. 1.

УРС – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; отв. редактор Л. Е. Кириллова. – Ижевск, 2008. – 925 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1986–1987. – Т. 1–4.

Шлопова Л. Н. Бранная лексика в удорском диалекте коми языка // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2001. – С. 289–292.

Этун В. Всё, что нажито... – М., 2012.

Jacobson R. Linguistics and poetics // Style in language. – N.Y.; L., 1960.

Szabó M. Orosz-magyar zsebszótár. – Budapest: Akadémiai kiadó, 1989. – 542 с.

E. A. Tsypanov

Unrecorded Words-Pejectives Derived from Ethnonyms in the Komi Language

The article contains four words-pejectives of the Komi language that were not recorded in previous regulatory and dialectal dictionaries. Their meaning and use are explained, historical and etymological sources of their emergence are indicated, and the hypothesis of formation of negatively-evaluative connotative semantics is set up.

Keywords: the Komi language, pejorative vocabulary, connotative semantics.